

АНАТОЛИЙ МУЗИС

НЕХОЖЕНЫМИ ТРОПАМИ

ИЗ РАССКАЗОВ ГЕОЛОГА

Анатолий Музис

НЕХОЖЕНЫМИ ТРОПАМИ.

Из рассказов геолога

«Издательские решения»

Музис А.

НЕХОЖЕНЫМИ ТРОПАМИ. Из рассказов геолога / А. Музис —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749909-9

Нельзя расслабиться ни на минуту. Идешь по тайге — компас и отсчет шагов. Сидишь в доме или лагере — настраиваешься на маршрут, как птица перелетная на полет. Что ведет птицу через веси и долины? Так и геолог — он знает, куда идти, хотя вокруг ничего не видно. Надо только настроиться... а то и с компасом заблудишься.

ISBN 978-5-44-749909-9

© Музис А.
© Издательские решения

Содержание

НЕХОЖЕНЫМИ ТРОПАМИ	6
КТО ПРИХОДИТ ПЕРВЫЙ	6
1	7
2	15
3	19
4	22
5	24
6	25
7	27
8	28
ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ	30
Глава первая	31
1	32
2	34
3	35
4	36
5	37
Глава вторая	40
1	41
2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

НЕХОЖЕНЫМИ ТРОПАМИ

Из рассказов геолога

Анатолий Музис

© Анатолий Музис, 2019

ISBN 978-5-4474-9909-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕХОЖЕНЫМИ ТРОПАМИ (Из рассказов геолога)

КТО ПРИХОДИТ ПЕРВЫЙ

*Легко идти по дороге в Будущее,
когда она проложена.
Но прокладывать ее приходится
преодолевая Прошлое.
А это нелегко.*

1

Нельзя расслабиться ни на минуту. Идешь по тайге – компас и отсчет шагов. Сидишь в доме или на лагере – настраиваешься на маршрут, как птица перелетная на полет. Что ведет птицу через веси и долины? Так и геолог – он знает, куда идти, хотя вокруг ничего не видно. Надо только настроиться... а то и с компасом заблудишься.

Маленький пузатый катерок со странным названием «Товаровед» высадил нас в среду второго сентября на берегу Енисея у деревушки с не менее странным названием – Пятница. В четверг мы вышли из Пятницы и углубились в тайгу. В задачу нашего отряда входило выйти к истокам реки Большой Кас, производя по всему маршруту геолого-геоморфологическую съемку с одновременными поисками полезных ископаемых. Этот отряд вел сибирский геолог, кандидат геологических наук Анатолий Романович Ананьев.

Два других его отряда его партии, геолога Юдина и геоморфолога Ивановского, производили съемку соседних участков. Ивановский плыл вдоль берегов Енисея с заходом в Большой Кас через его устье, а Юдин «снял» участок между Ананьевым и Ивановским.

При выходе из Пятницы наш отряд в свою очередь разделился. Ананьев, я и рабочий-шурфовщик Эйно Кирьянен двинулись вдоль речки Авериной, а старший техник Болкунов с конюхом Терешиним и радистом Крыловским с караваном лошадей пошли по тропе. Встреча назначена через четыре дня на заимке Илюшиха.

Итак, мы идем. Сразу же за деревней километра на полтора тянется гать. Ноги скользят по мокрым бревнышкам, между которыми хлюпала вода. Иногда бревнышки тонут и уже через пять минут все мы идем с мокрыми ногами. Все необходимое мы несем на себе. В рюкзаки уложены продукты, тент, плащи и посуда, а верхнюю одежду мы одели на себя, так как во время поездки катером мы основательно продрогли. Но лес не река, а ходьба не поездка и уже на первом километре я снимаю телогрейку, потом свитер, потом меняю суконную куртку на хлопчатобумажную. Так мы минуем болото, которое тянется здесь вдоль всего левого берега Енисея, пересекаем речку Рассоха и углубляемся в тайгу. Мы идем по тропе к заимке Новая.

Не имея возможности засеять заболоченные земли вдоль Енисея, колхозники приенсейских деревень отыскивают в тайге поляны, очищают гари, ставят там дома, сеют хлеб, держат скот и пасеки. Такие места называют заимками. На одних заимках живут постоянно, на других приходят на сезон.

Мы преодолевали этот залом свыше двух часов и измучались до предела. Я даже заявил, что «соскучился по болотам». Потом опять тропа, но темп передвижения уже не тот и хотя заимка уже где-то недалеко, но темнеет и мы вынуждены остановиться на ночлег. Выбираем сухое место, разводим костер.

Я, на всякий случай, прохожу вперед еще километр-полтора, но нет, везде глухая чаща, заимки не видно. Возвращаюсь. Костер уже пылает во всю, рябчики ошипаны и опалены. Плохо с водой. Эйно нацеживает кастрюлю воды из болота и мы ставим варить суп-кашу с рябчиками. А ночь уже опустилась совсем. Сегодня ожидается рождение новой луны, старики говорят,

что в какую погоду она народится, такая будет и впредь. Вокруг абсолютная темнота, лишь в вышине ярко мерцают звезды. Небо чистое, но в лесу удивительно темно. Костер как рубиновое пятно. Когда он разгорается, эффект рубина теряется. Мы сидим и ужинаем. Ботинки и носки сушатся. После ужина расстилаем плащи, кладем на них телогрейки и ложимся, укрывшись сверху одним одеялом и тентом.

Первые четырнадцать километров тропой мы рассчитывали пройти за три-четыре часа, но неожиданное препятствие задерживает нас уже на четвертом километре. С месяц назад разразилась страшная гроза. Небо, затянутое сплошной облачностью, озарялось молниями изнутри, как молочно-матовый купол. Эти вспышки вперемешку с кромешной тьмой ночи составляли страшную и величественную картину. Говорят, в окрестностях Енисейска, на огородах, в эту ночь молниями было убито шесть человек сторожей. Но я тогда был дома и меня гроза не тревожила. Но тут на тропе мы столкнулись с ее последствиями. Примерно с гектар земли сплошь завален свежим буреломом. Дерево на дереве, вдоль, поперек, под углом. Листья, хвоя, сучья – все перемешалось. Земля под этим покровом ушла метра на два-три, а лезть по деревьям, нагруженные котомками, ружьями, лопатами и тому подобным снаряжением, было делом далеко не легким.

Заимка Новая, до которой мы предполагали около двух километров, оказалась километрах в шести и на эти шесть километров у нас опять ушел целый день. Дело в том, что мы идем с работой, то есть, копаем шурфы, делаем ответвления от прямой линии маршрута и поэтому фактически пройденный километраж существенно отличается от километража, показанного по карте.

В это утро мы встали в пять часов и я с Анатолием Романовичем отправился на поиск реки. Речка Аверина течет где-то рядом и на ее берегах Ананьев надеялся найти какое-нибудь обнажение. Идем налегке. Я взял только фотоаппарат, он ружье. Спускаемся с крутояра и вместо реки попадаем на новое болото. Начинается новое блуждание. Ищем реку, а пока мокнем в ее заболоченной пойме. После трех часов поиска, так и не найдя реки, возвращаемся к месту стоянки.

Заимке Новая предшествовало семь крутых логов и мы уже решили, что сбились, когда, наконец, показалась гарь, а над ней крыши домов. Заимка располагалась на высоком, обнаженном угоре. Когда-то здесь все выгорело, а теперь земля разделана, стоит сжатый хлеб в копнах, пустой скотный двор, несколько домов. Неприятливо встретила нас заимка. Ни людей, ни собачьего лая, никаких признаков жизни. Очевидно, люди, убрав хлеб, передвинулись на другой участок. Нет даже пасечника, хотя пасека довольно значительна.

Заимка

В доме пасечника мы нашли картошку и немного меда. По заведенному в тайге обычаю житель с заимки или охотник с зимовья, уходя, оставлял несколько спичек, наколотую лучину, сухие дрова и что-нибудь из продуктов: пару горстей муки, соль, картошку, чтобы случайный путник мог бы в случае нужды этим воспользоваться. Если у пришедшего было что-нибудь, то, уходя, он тоже оставлял для следующего гостя, если же он был в нужде, то пользовался всем что находил безвозмездно. Мы с утра ничего не ели, да и утром позавтракали так, на скорую руку, в надежде что вот-вот выйдем на заимку, и теперь, пользуясь таежным правом гостеприимства, наварили полную кастрюлю картошки с тремя рябчиками (всего подстрелили за день восемь), наелись, затопили печурку, постелились на полу и легли. Я даже разделся. По таежным условиям это был королевский ночлег.

Печка-буржуйка

От заимки на шесть километров тянулась гарь. Мы предполагали пройти ее часа за два, но эта гарь оказалась совсем не похожей на те, по которым мне доводилось ходить раньше. Гарь в моем представлении была обгоревшим лесом с редкой порослью молодняка и твердым, расчищенным огнем грунтом. Эта гарь, на которую мы вышли, была уже, очевидно, очень давнишняя. Деревьев на ней почти совсем не было, они все повалились, истлели и начали уже предаваться земле, а на их перегаре поднялась буйная, в рост человека, трава. Это, преимущественно, конский щавель, сухой, жесткий и прочный. Идти по такой гари одно мученье. Трава вяжет движения, перешагивая через поваленные деревья приходится все время высоко поднимать ноги, а суки деревьев, скрытые в траве, отточенные и отполированные со временем ветром, дождем и травой, остры как пики и грозятся вот-вот проткнуть насквозь. Только споткнись.

Мы идем очень медленно, очень. Ругаемся, спотыкаемся и падаем, чертыхаемся, снова идем. Шесть километров этой гарью мы шли семь часов и когда, наконец, вышли опять к тайге Ананьев сказал с облегчением:

– Вот он, дом родной.

В маршруте

Мы сориентировались и пошли дальше. Хотелось дойти к ночи до зимовья – маленькой на два-три человека избушке, которую охотник ставит в тайге в местах, где он охотится зимой, но ночь опять застала нас в пути. Быстро темнело, к тому же начался дождь. Мы продирались с невыразимым упорством. Троп никаких, идем строго по компасу и, конечно, виляем, виляем, виляем. Мои разноцветные от заплат брюки снова висят клочьями, изо всех мест сухая только прикрытая рюкзаком спина. Наконец, видя, что сегодня нам не дойти даже до реки, решаем остановиться.

Начинаем искать место для ночлега. Оно должно отвечать, по крайней мере, двум требованиям: быть сухим и иметь неподалеку воду. И то и другое сейчас для нас проблема. Наконец, с трудом обнаруживаем под вывороченным корневищем лужу, выбираем рядом место посуше, натягиваем брезент и раскладываем костер. Вот когда мне пригодился сухой спирт. Так же, кстати, оказались свитер, куртка и плащ, которые я, досадуя на самого себя, все время тащил за плечами.

И вот пылает огонь. Лес сразу становится иным. За границей света он абсолютно черен и непроницаем, там, где на него падает свет, он тянется в темную вышину стволами, озаренными неровными бликами огня, а между стволов опять темнота. Мы сушимся. Огонь! Благодарение Прометею, что он принес его людям. В черте огня мы как у себя дома. «Огонь – это человек!» – как любил говорить один мой коллега. Эйно приносит воду, варим ужин. Мы прошли немногим больше половины маршрута, а сегодня кончается четвертый день и наши запасы. Делим скудные остатки из расчета, что нам придется идти еще два дня и ложимся спать.

И снова утро, серое, но без дождя. Одежда почти сухая. Смотрим на воду, которую вчера в темноте пили сырой. Мутная желто-коричневая жидкость.

– И эту воду мы вчера пили с наслаждением, – говорит Ананьев.

Я чиню прорехи.

Ремонт болотников.

Мне и раньше приходилось ходить тяжелыми дорогами, но такая тайга для меня является новой. Даже Ананьев, который двенадцать лет проработал в сибирской тайге и прекрасно знает ее, говорит, что и он впервые в таком тяжелом маршруте. Особенно тяжело, когда ты идешь, идешь и в конце концов не знаешь даже, где ты находишься.

Идем мы все время по карте и компасу. Расстояние меряем отсчетом шагов. Я привык считать «тройками» – потом умножишь на два и получаешь метры. Одна «тройка» – примерно два метра. Кто-то считает «двойками» – под одну ногу. Кому как удобнее.

Иногда натываемся на кое-какие ориентиры, иногда идем, идем и начинает возникать неуверенность: а туда ли мы идем, куда следует? Тайга глухая, темная, так называемая «черневая тайга». Уж если здесь потеряешься, ни с какого самолета не разглядают. Но мы идем довольно уверенно. Я, например, целиком полагаюсь на Ананьева, который хотя тоже мучается сомнениями, но ведет тщательную выверку нашего маршрута. А путь чем дальше, тем хуже. Мы спускаемся, очевидно, речной поймой и завалы, чаща и болота совершенно изматывают нас. Ананьев каждые 10—15 шагов останавливается и сверяется с компасом. И все-таки все время приходится вносить коррективы. И чем больше поправок, тем беспокойней на душе. Черт знает, где мы.

И вдруг возглас:

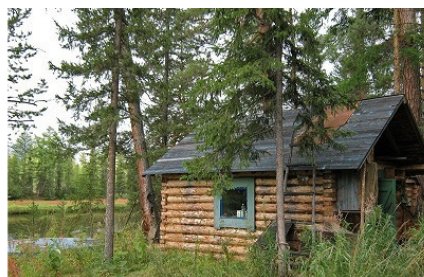
– Вот она, река!

Через спутанные ветви, в заросших, запутанных берегах виднелась темная полоска воды.

– Вы вскричали «Река!», как, вероятно, некогда Колумб вскричал «Земля!» – сказал я.

– Да, вероятно, состояние у нас было одинаковое, – смеясь согласился Анатолий Романович.

И действительно, было чему радоваться. Почти вслед за выходом к реке мы натолкнулись на зимовье, помеченное на карте. Теперь мы знаем, где находимся.

Избушка-зимовье

От зимовья по карте показана тропа, но карта восьмилетней давности и, конечно, никакой тропы мы не обнаруживаем. Ну, что ж, у меня теперь ощущение, что я всю жизнь только и ходил без дорог по компасу. Мы отклоняемся от реки, которая очень извилиста и затруднена для прохождения и стараемся идти ближе к коренному берегу. Там тоже нелегко, но все же лучше, чем в болоте или на гари. Идем примерно со скоростью около двух километров в час. Над головой тучей вьется мошка. Мы идем в сетках. Это затрудняет наше продвижение, но имеет то преимущество, что ветки не так больно хлещут по лицу.

День опять кончается, а мы не дошли до зимовья километра три-четыре. Значит, завтра рискуем не дойти до Илюшихи, а мы уже два дня на «блокадном» пайке: по 150г хлеба на человека и кружка крупы на две заварки для троих.

Пять дней мы в пути. Я смотрю на Ананьева, он побледнел, осунулся, зарос колючей щетиной. Одни глаза остались. А как ни странно, мы не чувствуем голода. Дисциплинирует сознание, что ли? Утром решаем идти до зимовья-2 без завтрака. Если найдем его, значит

до Илюшихи недалеко и можно будет все съесть; если не найдем, опять разделим на две, а то и три части. Кто знает, может быть придется идти еще и послезавтра. А сейчас, как говорят французы: «Кушать нечего – ложись спать. Хороший сон заменяет обед».

Но самое странное, это все-таки, что мы идем строго по курсу и не блуждаем, а заблудиться здесь пустяк.

А утром, как и решили, вышли без завтрака. Чтобы не пропустить устья Илюшихи, идем поймой реки. Все вокруг в зарослях, в завалах, а под ногами болото. Идет дождь. Мы отклоняемся к коренному берегу и наталкиваемся на кедрч. Собираем шишки, шелушим их и грызем орехи. Потом снова идем и опять выходим к пойме. Я иду и на ходу шелушу орехи, чтобы освободить карманы от лишней тяжести, а дорога такая, что идти надо след в след. Я проваливаюсь в болото, теряю равновесие и падаю. Теперь я мокрый до того, что у меня везде хлюпает. Мы выбираемся на берег, под пихтой раскладываем костерок и сушимся. А дождик все продолжается. Но надо идти.

А ведь всего пять дней назад, в среду, маленький пузатый катерок высадил нас на берегу Енисея у деревушки со странным названием Пятница.

В четверг мы вышли из Пятницы, чтобы через четыре дня соединиться с караваном на заимке Илюшиной. Но вот кончается пятый день, а до заимки все еще далеко. Моросит дождь, под ногами хлюпает болото.

Пчеловодный накомарник удобнее

Когда совсем стемнело, останавливаемся на ночлег. Место удачное: под вывороченным корневищем – яма с водой и рядом бугорок посуше. Костер сразу раздвигает темноту. Лес тянется в темную вышину стволами, озаренными неровными отсветами огня.

Пока варится скудный ужин, Ананьев, начальник группы, достает карту. Я смотрю через его плечо: до заимки еще пятнадцать-шестнадцать километров – верных два дня пути. А мы и так уже на «блокадном» пайке.

Опять серое утро и без дождя. Одежда подсохла.
Ананьев шарит по карманам, выскребая крошки табаку.
– Пошли!

И снова болота, чаща, глухие заросли пихтача. Снова спуски, подъемы, завалы. Мы идем очень медленно: один-два километра в час. Над головой тучи мошки и не помогают и сетки. Они не спасают от мошки. Ветки с размаху больно хлещут нас по лицу.

И вдруг просвет – Илюшиха!

Да, это она – желанная речка Илюшиха. Какая тяжесть сваливается с наших плеч! Значит, шли правильно!

К двум часам дня достигаем устья реки Илюшиха. Его-то мы и искали. Отсюда должна быть тропа к заимке Илюшиной.

Разыскиваем завал, по скользким бревнам с трудом и риском перебираемся через речку Аверину и Илюшиху. На противоположном берегу находим свежие следы человека: порубку и тропу. Зимовья нет. Потом находим и зимовье. Его подмыло и оно провалилось в землю, одна крыша торчит над землей, да и та заросла мохом.

Мы уже не хотим ни есть, ни отдыхать. Ананьев выверяет тропу и мы берем курс на заимку. До нее остается километров десять-одиннадцать. Ананьев все время считает шаги – этим и объясняется точность, с которой мы вышли к зимовью, а я засекаю время. В первый час мы проходим три с четвертью километра. Останавливаемся, так как опять мокры насквозь. Снова костер, снова выливаем воду из ботинок и сапог, выжимаем носки и портянки. А пока они сушатся, съедаем остаток хлеба, остаток масла и остаток сахара. По дороге Ананьев последним патроном подстрелил последнего возможного рябчика, у костра из последних крошек махорки свертываем последние сигарки. Итак, все пути назад закрыты, только вперед, к Илюшихе.

Дождь то затихает, то опять льет. С ветвей обрушиваются каскады брызг, но мы уже не обращаем на это внимания. Вперед, только вперед! Туда, где нас ждет караван. Товарищи, наверное, беспокоятся и, чего доброго, дали радиogramму о нашей пропаже. Ведь мы должны были выйти к заимке шестого, а сегодня уже восьмое сентября и нас все еще нет.

Рябчик

Мы выступаем из-под гостеприимной пихты и продолжаем наш путь. Я иду и на ходу сочиняю обед. Мы, конечно, выпьем для начала. Спирт нам полагается по всем статьям: и от простуды и за «храбрость». На первое будет суп рисовый с картошечкой и рябчиками, на второе гречневая каша с тушенкой, на третье кофе с молоком и медом. Хорошо!

За второй час мы проходим около четырех километров. Еще немного, и еще чуть-чуть, и вот она, Илюшиха. Уже видны крыши.

Заимка всего на два домика. На лай собак на пороге показываются двое. Прячась от дождя, они стоят под навесом и смотрят на нас, а мы стоим за изгородью и мокнем. Это недоуменное разглядывание друг друга длилось минуту, может быть две.

– Здравствуйте! Из экспедиции не проходили здесь? – спрашивает Ананьев.

– Нет.

Вот это новость! За семь дней они не прошли и шестидесяти километров. Прощай мечты о шумном общем обеде, сухом белье!.. Но делать нечего, надо проситься на ночлег.

– Можно к Вам?

– Заходите.

Нас встречают радушно.

Изба просторная и чистая. В сенях мельничка с приводом, в комнате большая русская печь, лавки вдоль стен. Хозяин – крепкий старик лет семидесяти пяти, высокий, широколицый, подстриженный в кружок, с черной окладистой бородой. настоящий тип кержака. Его два сына, те, что встречали нас, как и он крепкие, широколицые, широкой кости, подстриженные в кружок. Настоящие сибиряки, чувствуется в них дремучая таежная сила. Приходит еще один сын, старший. Он, как и отец, бородат и подстрижен в кружок, но выше отца почти на голову.

Хозяйка ставит нам на стол огурцы, картошку, творог, сметану. Мы продрогли, спрашиваем:

– Спирт здесь можно достать?

– Нет.

– Может самогон есть?

– Нет.

– Подождите, – говорит старший сын. Он уходит и вскоре возвращается с четвертью медовухи и просит нас достать кружки. Мы выпиваем по четыре кружки, согреваемся и пьянеем скорей от сытости, чем от спиртного. Нам стелют шкуру сохатого, дают покрыться тулупом и мы валимся спать.

Жильё! Все, что было позади, уже не считается.

2

Я потянулся на мягкой шкуре и только подумал: «Хорошо, что мы не в лесу!» – как вспомнил о караване и сразу открыл глаза.

Русская печь

Несмотря на ранний час, обитатели заимки уже не спали. Хозяйка хлопотала у печи, ей помогала двенадцатилетняя внучка. Младший сын, Василий, рассверливал ствол ружья, а «сам» – Савин Порфирьевич – работал у мельнички.

Я хотел умыться и спросил:

– Где у вас вода?

Спросил и сразу почувствовал, что на меня как-то странно смотрят.

– Давайте вашу кружечку, – вдруг ласково сказала девочка.

Она ополоснула руки, зачерпнула ковшиком из кадки и осторожно наполнила мою кружку, чтобы не коснуться ее черпаком.

– Вы уж разрешите ваши мисочки, – как и вчера, попросила хозяйка. – Плохо у нас с посудой.

Вчера я не обратил на это внимания, но сегодня мне стало ясно, что дело не в посуде. И вдруг я как будто прозрел: «Да ведь это же кержаки, настоящие кержаки!». У них не разрешается брать воду «мирской» кружкой, есть из общей посуды, готовить в чужой печи, курить. В юности я с увлечением читал о седой старине раскола, но никогда не думал, что мне наяву придется сидеть со старообрядцами за одним столом.

Завтракали молча. Нам пищу подавали поочередно, только в наших мисках. Хозяин перед каждым блюдом осенял себя широким двуперстым крестом. Хозяйка с девочкой кушали за отдельным столиком.

Когда подали мед, Ананьев начал расспрашивать о тропах по междуречью.

Савин Порфирьевич выслушал его как будто равнодушно и так же равнодушно спросил:

– Надобность-то какая?

Нам предстояло пройти по сравнительно небольшому, но труднодоступному участку Западно-Сибирской низменности и выйти к истокам реки Большой Кас. Газеты писали, что когда на Енисее у Осиновских порогов будет построена большая плотина, через эту реку произойдет соединение вод Енисея и Оби. И мне интересно, как расскажет Ананьев старому кержаку о переменах, ожидающих край, переменах, которые должны изменить весь уклад здешней жизни. Когда-то, в борьбе за старую «родную» веру, кержаки несли скрытую идею протеста против чужеземщины, но эта национальная идея со временем превратилась в фанатическое отрицание всего нового. А что могло быть новее того, с чем мы пришли сюда? Ведь мы геологи-разведчики, за которыми по фронту пятилетки движутся целые армии рабочих.

Ананьев невозмутимо и спокойно рассказывает о том, что в нашей стране проводятся сейчас широкие и планомерные исследования, что новая жизнь шаг за шагом должна вытеснить эту дедовскую старину и что теперь особое внимание будет уделяться Сибири и Востоку. Он говорит о скрытых в земле богатствах, найти которые не под силу одному человеку, и о том, что мы первые разведчики и наша задача сейчас осмотреть участок Обь-Енисейского водораздела и дать его геолого-экономическую характеристику.

Савин Порфирьевич некоторое время сидит молча, прикрыв старческие воспаленные глаза белыми ресницами. Потом говорит:

– Каждому лучшего хочется. Однако я устал от мира. Думал, далеко ушел. Ни царь, ни новая вера здесь достать не могли. Ан, советская власть достала.

– И что же? – осторожно спрашивает Ананьев.

– А, ничего, – спокойно отвечает он, видимо примирившись с какой-то мыслью: – При советской власти живи, где знаешь, веруй, во что веруешь. Колхозы пошли, так и то они вон, – Савин Порфирьевич кивнул на детей и внуков, – захотели, так вступили. А меня никто не тревожит.

– А как же с тропой, дедушка? – напоминаю ему я.

– Тропа, что ж, лет осмнадцать назад была тропа. Поди сейчас и затесов не сыщешь. В старину люди сами себе счастье искали: кто золотишком интересовался, кто – зверем... Да вам здесь какой прок?

Вдруг Василий, внук Савина Порфирьевича, крикнул:

– Ваши идут!

Покачивая навьюченной кладью, одна за другой выходили из тайги лошади.

Когда лошади были разгружены, старший коллектор, Белкунов, начал рассказывать, что оказалось с лошадьми даже по тропе идти куда труднее, чем без них, как прорубались сквозь завалы, как гатили болото, как останавливались на лужайках подкормить лошадей. И самое главное – это бескормица. В тайге вообще не так много корма для лошадей, а в сентябре на этих широтах и вовсе нечем было кормить. Пришлось вызвать по рации самолет с овсом, да и для нас попросили кое что подбросить. Он-то и задержал нас потом своим прилетом.

Мы сидели за банькой, когда подошел Василий и попросил не «завертку».

– Куришь? – удивился Ананьев.

– Потихонечку, – ответил Василий, – чтобы старик не видел. Раскритится, разволнуется... Слаб он стал.

Все замолчали, свертывая самокрутки, потом я спросил:

– Воевал?

– Во флоте действительную служил.

Только сейчас я заметил у него комсомольский значок.

– И как же ты сюда вернулся?

– Родился тут. И то сказать: чудно теперь кажется... Зимой охотничаю, а летом в город ухожу, на катерах плаваю.

– Послушай, – вдруг живо сказал Ананьев, – пойдем с нами проводником!

Савин Порфирьевич возражать не стал. Сказал коротко сыну:

– Ступай с богом.

Мы провели на гостеприимной заимке пять дней. Починили крышу, помылись в бане, залатали одежду. Немного отъелись, отдохнули. Расчистили площадку для посадки. И без конца спрашивали нашего хозяина и главу семейства, а также его отца о предстоящем пути к истокам Большого Каса.

Семья Килиных, так была их фамилия, очень интересна по своему составу и укладу. Самый старший из них, Савин Порфирьевич, исповедуя старую веру в стародавние времена уходил все глуше и глуше в тайгу, скрываясь от преследования царской власти и новой православной веры. Свой путь он начал от Оби и закончил у Енисея. Здесь его догнали старость и Октябрьская революция. Успокоившись, он засел на этой заимке, построил домик, а когда семья разрослась, рядом с первым домиком вырос и второй. Савину Порфирьевичу 75 лет. Он еще крепкий старик. Сам ездит к устью Илюшихи, где у него рыбные ловушки, сам содержит пасеку и вообще все делает сам, ничего от семьи не принимая. Все, что он делает для семьи, он делает бескорыстно.

– Дедушка к смерти готовится и потому ни от кого ничего не берет, – сказал о нем Василий, средний сын Тараса Савиновича.

Даже когда у Савина Порфирьевича сгорела пасека – он топил воск и воск вспыхнул, а дед, вместо того, чтобы накрыть его полушубком, схватил ведро и побежал к ручью, и когда он возвратился, все было уже в огне; у него сгорела изба, вся одежда, ружье, четыре десятипудовые кадки меда и прочее. Он тогда сел на пенек и заплакал, а потом принялся восстанавливать все своими руками и снова довел пасеку до ста ульев. А какой у него мед – мечта!

Ремонт крыши

Савин Порфирьевич строго придерживается своей веры и так же строго блюдет культовый обряд. Кушают они каждый из своей посуды, перед каждым кушаньем кладет двуперстный крест, воду из кадки посторонним брать не разрешается. Хозяйка сама подает воду ковшиком, причем наливает воду так, чтобы не касаться мирской посуды. Как-то ночью мы засиделись у свечи, а хозяйка уже спала. Я попросил подать воды девочку. Она встала, вымыла руки и лишь тогда подала. Курить у них в избе нельзя, готовить у них в печке тоже нельзя, как и доставать воду из колодца не колодезным ведром.

Сын Савина Порфирьевича, наш хозяин, Тарас Савинович, тертый и хитрый крестьянин. Он, видимо, довольно долго жил на миру и порой не прочь отойти от обряда, например, в постную среду и пятницу скушать скоромное. Он и с нами-то ел из одной посуды. Его сыновья, Петр, Василий и Иван, люди уже новой формации. Старший, Петр, живет с дедом и соблюдает обряды, но побывал на фронте, повоевал и был контужен. Сейчас он работает пасечником Михайловского колхоза (кстати, вся их семья, кроме деда, состоит в колхозе). Средний

сын, Василий, тоже воевал, отслужил пять лет во флоте, видел белый свет и Японию, а у себя на корабле был комсоргом. Он не соблюдает обрядов и потихоньку от отца курит.

Замыкает фамильную лестницу по мужской линии сын Петра, внук Тараса Савиновича и правнук Савина Порфирьевича – мальчик Гриша. Он еще стреляет из духового ружья и смотрит на мир из-за загороди заимки, но, может быть, это именно ему доведется водить пароходы от Северного Ледовитого океана к Каспийскому морю через воды Большого Каса.

Дорога к истокам Большого Каса нам теперь становится ясна. Вернее, нам становится ясно, что туда нет никакой дороги, но на самом Касу живут «жители», как их здесь называют, и это уже хорошо. Значит, можно будет кое о чем порасспросить.

Прилетает самолет. Первый раз он долго кружится, то над нами, то в стороне и, не найдя посадочной площадки, улетает. Снова связываемся по рации с базой, уточняем свое местонахождение и опознавательные знаки. И вот самолет на заимке. Выгружаем овес, хлеб, масло, сахар, сгущенное молоко. Готовим вьюки. Завтра с утра в путь к истокам Каса.

И вот наш караван, после прощального завтрака и жаркой баньки, снова вступает в тайгу. Василий идет впереди, указывая отряду направление. Двое с топорами расчищают дорогу лошадям. Я и Ананьев немного задерживаемся, чтобы еще раз попрощаться с гостеприимными обитателями заимки. Они всей семьей вышли проводить нас и стоят, как на фотографии: Савин Порфирьевич в середине, по бокам сыновья и внуки, а впереди правнук Савина Порфирьевича шестилетний Гришутка. На будущий год Гришутку пошлют в Енисейск в школу, и – кто знает! – не ему ли доведется завершать то, чему наш маршрут был только началом?

3

Десять дней мы прорубались по тайге и продвинулись только на двадцать пять километров. Тропа заросла, все завалило буреломом, а тесы заплыли смолой настолько, что даже Василий с трудом отыскивал их. Но хуже всего было с лошадьми. Их было семь. Высокие и крупные кавалерийские кони оказались совсем непригодными к таежным переходам. Смотреть, как они мучились, было тяжело. Выручали нас маленькие выносливые «монгольские» лошадки, которые как будто и не замечали трудности пути

Так и идем. За десять дней – двадцать пять километров. Нет дня, чтобы что-нибудь не случилось. То рубимся целый день и к концу оказывается, что прошли всего полтора-два километра, то пол дня ищем потерявшийся затес, то опять целый день вытаскиваем лошадей из болота или гатим их. А сегодня одна лошадь пала. День начался было очень хорошо. Вышли мы тоже сравнительно рано, в полдесятого. Дорога была хорошая, березнячком. В логу сделали две хорошие раскопки, настреляли рябчиков.

И, вдруг, на четвертом километре падает лошадь. Она все время доставляла нам немало забот. Каждое болотце, каждая рытвинка как бы притягивала ее. С нее сняли весь основной груз, оставив только два тючка, приспособленные так, что их можно быстро сбрасывать и одевать. И вот эта лошадь сегодня застряла опять. Только на этот раз у нее не было ни малейшего желания даже попытаться встать. Мы ее пробовали бить, подкармливали овсом, тащили за хвост и на веревках, ничего не помогало.

А тут увязла еще одна лошадь, оставленная без присмотра. Пришлось первую лошадь оставить. Сняли с нее груз, седло, вынесли все это вперед, за болото, а сами стали вытаскивать вторую лошадь и выводить остальных.

Наконец вторую лошадь вытащили, вывели на сухое место и стали совещаться. Решили выйти из болота, заночевать, а утром вернуться и посмотреть, что с ней. Может быть отлежится. В это время подошел Василий. Он уходил вперед разыскивая затес и расчищая тропу. Он решил попробовать поднять ее еще раз. Он, Ананьев и Терешин остались, а мы с караваном пошли дальше. По дороге я подумал, что может быть понадобится моя помощь и повер-

нул обратно. Смотрю, они идут и ведут лошадь. Ананьев мне потом рассказывал, что Василий подошел к лошади, взял ее за ноги и перевернул на другую сторону, после чего она сразу встала. Мы пошли догонять караван, как вдруг на совершенно сухом и ровном месте она упала опять. Мы стояли и смотрели на нее и нам было ясно, что дальше идти она не сможет.

– Чем ей мучиться, лучше кончить ее, – сказал Василий.

Ананьев колебался, но дело было ясное.

– Кончай, – сказал он.

Василий вскинул ружье. Ананьин и Терешин отвернулись. Лошадь лежала вытянувшись вдоль тропы, безучастно глядя куда-то в пространство. Грянул выстрел. Лошадь дернулась, отбросила передними ногами и вытянулась, оскалив зубы. Она вся была окутана дымом выстрела. Пуля пробила ей голову. Мы молчали. Настроение было тяжелое.

Ужин в этот вечер походил на «пир во время чумы». Сварили четырех рябчиков и копылуху, заправили суп рисом и пережаренным луком. Распили пол литра спирта. Настроение какое-то смешанное, с одной стороны тяжело от гибели лошади, с другой облегчение – больше она нам мешать не будет.

Утром тронулись дальше и, хотя лошади больше не падали, продвигались все же очень медленно. К вечеру 21-го сентября, наконец, вышли на реку Прелюю. Ананьев ожил. Он очень нервничал последние дни, так как тропа не совпадала с показаниями карты и он уже начал предполагать, что мы сбились на какое-нибудь ответвление охотничьей тропы. Тем более, что у реки нам встречалась уйма ловушек на белок и колонков.

Прелая и обрадовала и огорчила нас. Сразу за ней шла такая полоса болот, что за лошадей просто страшно делалось. А впереди еще река Пучеглазиха – одни названия чего стоят, на ней даже по карте и то обозначены болота. Ананьев задумался. Но сколько ни думай, в нашем положении выход мог быть только один и я высказал это:

– Давайте отправим лошадей обратно, а сами возьмем сколько сможем продуктов и попробуем пробиться на Кас пешком. Будет, конечно, тяжело, но не возвращаться же...

Очевидно, это и было решение, которое Ананьев не решался предложить нам. Радист и конюх сразу повеселели. Белкунов недовольно сказал:

– Это прыжок в неизвестность, – он знал, что отводить лошадей придется ему.

Ананьев дал в Енисейск радиограмму: «Двадцать первого сентября вышли верховье реки Прелая тчк Связи заболоченностью и трудной проходимостью тайги последние 15 километров шли 6 дней все время прорубая тропу тчк Результате тяжелого пути и бескормицы пала одна лошадь зпт остальные плохом состоянии тчк Дальнейшее продвижение лошадях невозможно тчк Во избежании гибели всех лошадей решил последних отправить обратно Енисейск тчк Сам вместе Музисом и двумя рабочими отправляюсь на Кас пешком с последующим выходом

на Енисей по речке Пучеглазихе тчк Для подкормки лошадей обратном пути прошу забросить к 25 сентября заимку Илюшиха два мешка овса тчк Жду указаний в один час дня сегодня тчк =Ананьев=».

В Енисейске обеспокоились. Нам передали радиограмму о гибели коллектора Соловьева из соседней партии, утонувшего с лошадью при переправе через одну из речек в одиночном маршруте и указывалось на недопустимость таких одиночных маршрутов. На наше усмотрение предложили или вернуться с лошадьми, или идти дальше, но не рисковать и принять все меры предосторожности.

Решение у нас уже было принято. Мы сообщили, что рассчитываем выйти к Енисею в первых числах октября.

– Ведь вот же не на войне, а гибнут люди, – тихо произнес Василий; и мне показалось, что этот человек, такой равнодушный ко всему, что касалось его лично, сейчас заплачет от жалости.

Радист смотрел на Ананьева, ожидая новых распоряжений.

Ананьев взял свою радиограмму и дописал: «Случай с Соловьевым воспринял как предупреждение, решения не изменил».

Утром Ананьев распределил имущество. Белкунову надлежало вернуться на заимку, а оттуда уже знакомой тропой идти в Енисейск.

Галея

Короткое рукопожатие и тайга скрыла от нас караван. Ананьев и Василий снимают ружья, гремит прощальный залп.

4

Касовские болота, или галеи, как называет их Василий, – это длинная узкая полоса, заросшая мхом и клюквой. Дальше галея расширяется, превращаясь в настоящую трясину. Почва под ногами колышется и я вижу, как идущий впереди меня Василий покачивается вверх-вниз, вверх-вниз. Под ногами, заливая ботинки проступает вода. Кас течет где-то посередине галеи. Подходы к истокам всюду заболочены. Василий вырубает две жерди и шест. По этим жердям Ананьев, балансируя как акробат, подходит к самому руслу и шестом пробует глубину – два метра шестьдесят сантиметров. Затем он пробивает шестом грунт под ногами и шест также уходит на глубину двух метров.

Кас берет свое начало из так называемого Верхнего Касовского болота, но разыскивать его истоки в наступающей темноте, да еще по трясине – дело гиблое, и мы останавливаемся у опушки леса на ночлег.

В дороге нас задерживали еще и... рябчики. Василий и Анатолий Романович расстреляли свои патронташи, сделав свыше тридцати выстрелов. Ананьев, увлекшись, однажды саданул по рябчику пулей. Всего за день подстрелили 19 рябчиков.

До нижней заимки добрались уже в темноте. Изба большая, просторная, с железной печуркой, картошкой, свежим сохатыным мясом и... без жителей. Впрочем, они нам и не нужны. Быстро разводим огонь.

Заимка

Василий терзает рябчиков. Умелым движением он сразу отделяет белую грудку от ножек, головы, крыльев и кожицы с перьями. Мы роскошествуем – по четыре с половиной рябчика на брата! А потом сон. Сон в тепле, в сухом месте, в доме. Кстати, сегодня второе октября, месяц как мы уже из Енисейска. Что и говорить, нам скорее хочется домой. Мы изрядно устали, да и через неделю, другую может выпасть снег.

Утром Василий проявил «инициативу». Он сварил, или как он выражается «напарил», на дорогу сохатыного мяса и к двум часам дня мы закотомились и пошли. Дорога оказалась на редкость хорошей и мы к семи часам вечера с работой прошли 8 километров. Надо сказать, что выходили ли мы в пять часов утра или в двенадцать-час дня, мы все равно не делали за день больше семи-десяти километров. Это, очевидно, был предел физических возможностей при прохождении черновой тайгой.

На склоне крутого лога, где песок выходил прямо на поверхность, сделали раскопку и заночевали. Натаскали коряг, разожгли огонь, заварили чай.

Василий на ночь сооружает особый род охотничьего костра – нодью. Он приносит два толстых сухих бревна и кладет их одно на другое. В верхнее вбивает ветку-крюк, за который бревно поддерживает упругая жердь, чтобы оставалась щель, и зажигает бревна вдоль щели.

Нодья

Только мы собрались почаяевичать, как где-то недалеко хрустнула ветка. Треск был такой громкий, что Василий и Ананьев вскочили на ноги и схватили ружья. Мы замерли в ожидании: вот-вот из чащи покажется медведь.

– Ходит, – шепотом сказал Василий. – Слышно, как травой шуршит.

– Неужели он пойдет на огонь? – усомнился я.

– Умный медведь – тот вообще не пойдет за нами, – убежденно ответил Василий. – А если медведь балованный, то пойдет.

– Будем надеяться, что медведь умный, – сказал Ананьев, опуская ружье.

Глухой рев прорезал таежную тишину и мы невольно придвинулись друг к другу. Рев повторялся на разные голоса и Василий безошибочно определил:

– Медведица с медвежатами, около берлоги встали.

– Опасно?

– Да уж, погладит, не обрадуешься.

Ничего не скажешь – приятное соседство! Ананьев, по примеру Василия, перезарядил оба ствола жаканами, я навалил в костер дров. Когда здоровенная смолистая коряга запылала вовсю, мы сделали два выстрела в темноту для острастки и, усевшись поближе к огню, заговорили о медведе, его хитрости, его силе и любопытстве.

Василий приводил ряд случаев, когда медведь выходил к костру или просто к людям. Говорил он спокойно, с убеждением, что «медведь зверь опасный и только дурак может сказать, что не боится его». Потом стал рассказывать Эйно. Он вообще любил рассказывать разные сказки и истории, сейчас он говорил возбужденно, порой переходя на крик. Потом Анатолий Романович стал рассказывать свои охотничьи похождения. Слушая их, я решил, что раз здесь столько охотников, то мне тревожиться незачем, спрятал наган и прикурнул.

В 12 ночи я проснулся. Мои спутники все еще разговаривали. Василий утверждал, что медведь недалеко и что он непременно попытается подойти еще раз после полуночи. Ананьев высказал предположение, что медведь пришел на запах сохатинного мяса, которое «напарил» Василий и которое оказалось таким, что его пришлось выбросить. А выбросили мы его там, где потом слышали треск.

– Ну, если он этого мяса попробует, тогда он за нами до Енисея идти будет, – пошутил Василий.

Перспектива не веселая. Тем не менее к часу ночи Василий заснул, в начале третьего заснул и я, в три заснул Эйно и только Ананьев не спал до пяти часов утра.

5

Месяц мы бродили по тайге и все было ничего, а тут, когда до выхода осталось 5—6 дней, тайга вдруг наполнилась шорохами. Сегодня мне второй раз пришлось братья за наган. С утра, покинув ночевку, мы врезались в густой пихтач. И так как ночью моросил дождик, то вскоре вымокли до нитки. Особенно досталось Ананьеву, который шел впереди. К часу дня, когда он плавал в своих сапогах, как в озерах, решили остановиться и обогреться. Разложили костерок, выпили по 15—20 грамм спирта и, видимо, сказалась бессонная ночь, Ананьев и Эйно заснули. Так прошло часа полтора. Вдруг, в отдалении послышалось рёханье сохатого. Надо сказать, что сегодня как никогда мы встречали очень много свежих, прямо сегодняшних следов сохатого и медведя.

Василий схватил ружье и бросился на звук. Ананьин и Эйно проснулись. Мы ждали, что будет? Василий вернулся и просил нас идти потише, так как в любой момент можно встретиться со зверем. Мы пошли дальше и вот, в одном месте, когда мы остановились, чтобы свериться с компасом и картой, мы снова услышали треск. Какой-то крупный зверь шел прямо на нас. Очевидно мы стояли ему по ветру и он не чуял нас, так как он шел треща валежником и добродушно рёхая. Василий вскинул ружье и замер. Он целился в просвет пихтача из которого слышался шум и должна была показаться голова зверя. А зверь все шел на нас и мы уже видели как качаются ветки и вдруг он остановился. Видимо он что-то почуял, так как рёханье его стало тревожным, а потом все стихло. Только острый слух Василия мог различить шуршанье травы. Зверь обходил нас. Тогда Василий бросился в чащу наперерез зверю. Мы стояли насторожив Ананьин ружье, я наган, Эйно топор, готовые броситься по первому крику Василия. Но Василий вернулся. Зверь ушел.

– Медведь, – сказал Василий.

– А не сохатый? – спросил я.

– Нет, сохатый так не рёхает, а потом сохатый зверь большой, он шел бы видно было, а медведь низом идет, только мох хрустит.

Возможно, да и вероятней всего, что это был медведь. Сохатый, уходя, не смог бы вдруг затихнуть. Он бежит напролом, ломая сучья и деревья.

6

Дорога домой всегда легче, чем дорога от дома, но повальник, поросший молодым пихтачем, это такое же проклятье, как гарь или бурелом. Даже великое стремление выбраться поскорее к дому не могло нас заставить идти быстрее, чем полкилометра в час. И опять ночлег, костер, два бревна под себя, вместо постели, телогрейка сверху.

И снова повальник, пихтач, компас, отсчет по шагам и немолчный вопрос: когда, когда же все это кончится?

И вдруг кончилось. С утра еще был повальник и мы пробивались по нему часа полтора, как вдруг наткнулись на затес, а за ним в 220—300 метрах на тропу. Настоящую, хорошую, конную тропу. Только шла она поперек нашего маршрута. Стали совещаться, уходить с тропы в повальник, в чащу казалось безумием. Решили – должна же такая хорошая тропа привести куда-нибудь. Будь-то Нижне-Савинское, или Колмогорово, или Понамареве – нам все равно.

Решили идти по тропе. Сделали на стволе затес и я написал: «5.10.48г. Сюда, в направлении с р. Кас на р. Енисей, вышла партия №1 Енисейской Аэрогеологической экспедиции в составе: Ананьев, Музис, Килин, Кирьянен. Пошли по тропе на северо-запад».

Нарисовал стрелку и мы расписались. Это на всякий случай, если нас будут искать, ведь мы пропустили все сроки возвращения.

Тропа повела нас на северо-запад, потом на север, потом на северо-восток, как раз в том направлении, как пролегал наш первоначальный маршрут. Тропа хорошая, вскоре она вывела нас в березняк, а тут еще проглянуло солнце и стало совсем весело. Мы развили скорость до 4-х км в час и к трем часам дня вышли к реке. Тропа ушла на другой берег. Прикинули по карте, получалось, что мы, пропустив стан, к которому намечали выйти раньше, вышли к реке Пучеглазиха в 7—9 км от Енисея и деревни Колмогорово. Никто не ожидал такого поворота. Еще вчера неопределенность, граничащая с безнадежностью, сегодня подъем духа, почти праздничное настроение.

Только вот как перебраться через Пучеглазиху? У своего устья она довольно широкая.

Эйно копает последний шурф. Номер шурфа 607. Василий ищет место для перехода. Он найдет, за него можно быть спокойным.

И он-таки соорудил переход. Свалил березу, она не достала до другого берега, свалил вторую – косо, третью, четвертую – тоже неудачно. Рассердился, перешел на другое место и пятая береза легла мостом. Но у этого моста середина под водой. Опираясь на шесты и хватаясь за ветки перебрались и только тогда заметили домик.

В небольшом ярочке, в излучине Пучеглазихи, окруженный редким березнячком, он стоял напротив левого, сплошь затаеженного берега, такой аккуратненький и уютный, что мы невольно остановились. И вот тут, на границе тайги, у порога Енисея, я снова почувствовал, как мне жаль покидать эти места, этот домик, ночлеги у костра, пальники, ельники, согры, гари – все, что еще так недавно мы проклинали. Я предложил здесь переночевать. Лучше прийти в деревню днем, чем ночью. И вот снова пылает костер. Неужели это последний костер, последняя ночь в тайге. И радостно, и грустно, и не верится.

Я чистил рябчика, когда мне послышался в лесу человеческий крик. Я прислушался, крик не повторился. Мои товарищи сидели спокойно и я решил, что мне показалось. Но через некоторое время снова раздался крик, только на этот раз он больше походил на рев. Василий вскочил и бросился к ружью. Стало тихо.

– Медведь, – сказал Василий.

– По моему, это кричал человек, – засомневался я.

Анатолию Романовичу и Эйно тоже показалось, что это человеческий голос, а так как мы ночевали у человеческого жилья, то, возможно, это был голос хозяина. Встреча в тайге с человеком иногда бывает опасней встречи со зверем. Мы насторожили оружие, а Василий, который знал также и хозяина этой заимки, вышел на бугор и закричал:

– Эй, люди! Мы тоже люди! Иван Федорович, это я, Василий Килин.

Лес молчал. Василий крикнул еще раз. Тишина. И вдруг мы все ясно различили рев. Да, это был медвежий рев. Он слышался потом всю ночь из одного и того же места, то громко, то тихо, то далеко, то близко.

– Медведица с медвежатами на берлоге, – определил Василий.

Мы сидели вслушиваясь в этот рев. Иногда он слышался в другой стороне и ближе, очевидно медведица ходила осматривать нас. О сне всем вместе нечего было и думать. Спали парами – Эйно и Василий, потом я и Анатолий Романович. От костра веяло теплом и мы сидели и говорили о геологии, о литературе, о Москве и Сибири, о тайге и о доме.

Я сидел у огня, прислушиваясь к реву медведя, и думал: «Вот мы и вышли... Редкий охотник заглядывает сюда. Интересно, что будет здесь лет через пятнадцать?»

Так прошла эта последняя ночь.

7

До Колмогорова мы предполагали 7—8 км. Обстановка была настолько ясна, что мы уже редко заглядывали в карту. Тропа, которая было вдруг затерялась, вывела нас к болоту, через которое пролегал гать. Здесь уже сбиться было невозможно и мы, мокрые, как водится, по колено, устремились в наш последний переход. В Колмогорово мы рассчитывали прийти через 2—2.5 часа, но вот мы идем уже четыре часа, пять часов, болото сменяется лесом, лес опять болотом. Потом снова лес. Тропа все лучше, шире, обхоженной, но до чего же долго тянутся эти последние семь километров. Кажется, нет им конца. Но вот мелькает просвет, еще просвет и ура!.. Енисей, деревня, люди. Как бегун, достигнув финиша, рвет ленточку, так и мы, выбежав из тайги, единым духом перемахнули через изгороди и устремились к людям с вопросом:

– Какая деревня?

И ответ совершенно неожиданный:

– Нижне-Савино.

Так вот оно почему семь километров тянулись так долго. Мы где-то уклонились и из семи они стали семнадцатью. Впрочем, теперь это неважно.

Вечером звонили в Енисейск. Возгласы удивления:

– Кто говорит? Ананьев? Анатолий Романович, вышли?

И каждый, кто брал трубку, от секретаря до начальника экспедиции с облегчением произносили это слово – «вышли»?

Да, мы вышли. По этому поводу литр спирта, вареная картошка, суп с рябчиками и последней горстью риса, вареная сгущенка.

Мы вышли, вышли, вышли. Хочется петь и плясать от радости.

И хотя мы и не плясали, но пили и пели.

Завтра за нами обещали выслать самолет.

Разведчик никогда не занимает город, но по его следу движется целая армия. Оглядываясь на пройденный путь, я видел уже не болота, не чащу, а будущее этого замечательного богатого края. И я не променял бы свою беспокойную работу и эти костры в глухой, намокшей тайге ни на какие житейские блага.

8

Прошло несколько лет. Я собирался в очередную экспедицию, когда ко мне забрел мой старый институтский товарищ. Хотя он постоянно живет в Москве, мы давно не виделись, и я был рад ему. Приятель загадочно улыбнулся и сказал:

– Я зашел передать тебе привет.

– От кого?

– Угадай! Привет со значением.

Я перебрал десяток имен наших общих знакомых. Наконец Виктор улыбнулся и сказал:

– Тебе привет с Илюшиной заимки. Помнишь Василия и дедушку Савина?

Я чуть не подскочил на стуле.

– Ты был там?

Виктор засмеялся, довольный произведенным эффектом.

– Удивляться, собственно, нечему: ты же газеты читаешь. Разворошили тайгу! Мы сейчас ведем изыскательские работы для строительства Енисейской ГЭС. Ну, и прокладывается железная дорога от Ачинска. Она пройдет на правый берег Енисея к Нижне-Ангарскому железо-рудному месторождению. На базе этой руды и кузнецкого угля создается третья металлургическая база Союза, а там и за новый западно-сибирский комбинат примемся. Я, брат, теперь все время по командировкам летаю. Теперь опять на Обь-Енисейский водораздел собираюсь: там, в районе Чулымы и Подкаменной Тунгуски, найдены крупнейшие залежи бурого и каменного угля.

– Постой, постой, – остановил я его. – Зачем ты мне доклад, как в главке, читаешь? А что Илюшина заимка? Как Василий? И Савин Порфирьевич?

– Через заимку пройдет линия высоковольтной передачи единой энергосистемы страны, – продолжал неумолимый докладчик. – И будет твой дедушка Савин караулить подстанцию. А Василий работает на гидрологических исследованиях. Тебе Ананьев ничего не писал о нем? Василий ведь учится на заочном отделении геофака в Томске. И Гришутка тянется за ним.

Мы помолчали. Я думал о таежной заимке – такой далекой и в то же время несказанно близкой.

Мы сыграли партию в шахматы и Виктор поднялся.

– Дай-ка мне твои старые заметки, – сказал он, – прочитаю перед дорогой. Будем заканчивать то, что вы начали.

В шестой пятилетке Сибирь будет в центре внимания. Там, где вы с трудом прорубали дорогу, можно будет проехать в автомобиле. И охота тебе сейчас снова забираться куда-то в глушь?

Он ушел, а я рассуждал: «Да, новая жизнь придет во многие районы Сибири. Но ведь думали об этом и вели изыскания еще задолго до того, как были утверждены реальные планы. Нет в нашей стране глухих и ненужных мест. Пригодится и та „дыра“, куда я теперь еду». И мне захотелось, чтобы те, кто сейчас работает по готовым картам и проектам, кто читает о новом строительстве в газетах и книгах, вспомнили о рядовых разведчиках, бредущих в непогоду и бездорожье с ружьем и лопатой на плечах и намечающих первые вехи будущего, которое становится нашим настоящим.

Товарищ, когда реки потекут вспять и тебе, быть может, придется проплывать на комфортабельном теплоходе по Великому водному пути от Каспийского моря к Таймырскому полуострову, проплывая этими местами вспомни о тех, кто в дождь и снег, в бездорожье, с лопатой и компасом, намечал первые вехи твоего Великого Завтра.

1963 г.

=====

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ

(ПОВЕСТЬ)

Глава первая

1

В марте небо уже синее, но морозы еще держат землю и тайга стоит запушенная до самых верхушек. И погода в марте переменчива. То сияет ослепительно-яркое солнце и такая тишина, что упадет снежный ком с ветки и по лесу гул катится, а то налетит пурга, закрутит снегом и до весны не найти следа. Не выходит в такое время человек, хоронится зверь и птица.

Что же понадобилось в этот день самолету, ревом двух моторов силящегося перекрыть рев пурги?

Они летели низко. Стеклокабина пилота была плотно облеплена снегом и штурман, сдвинув боковые стекла, напряженно всматривался в пронесившиеся под ними вершины гигантских елей. Снег забивал ему лицо.

– Прижмет нас, – хриплым голосом говорил он не поворачивая головы.

– Смотри лучше, – отвечал пилот. Он допустил ошибку. Надо было повернуть сразу, а им захотелось закончить маршрут. Теперь они пробиваются вслепую. Ни высоты, ни видимости.

В кабине магнитолога тоже было не лучше. Штурман уже давно перестал подавать ориентиры и вести дальнейшую съемку стало невозможно. Марина выключила магнитометр и подошла к кабине пилотов. Она хотела спросить, как дела, но, взглянув на фигуры пилота и штурмана, промолчала.

Когда на вопрос Шолоха: «Не вернуться ли?», она сказала, что хорошо бы закончить маршрут, она совсем не предполагала такого оборота. В полете она всегда была занята только показаниями магнитометра. Ее покорял этот маленький прибор, позволяющий с высоты определять наличие скрытых в земле магнитных пород и она никогда не думала, что их полеты могут кончиться катастрофой.

Вдруг темный массив тайги прорезала светлая полоса.

– Земля! – крикнул Гостев.

– Вижу.

В вытянутых руках Шолоха собралось все напряжение полета.

– Все в хвост! – еще раз крикнул он.

Гостев соскочил со своего места и побежал первым. Марина бросилась за ним и в этот момент самолет коснулся земли.

Толчок, треск. Снова толчок... Марина упала. Она ударилась головой о магнитометр и покатилась к пилотской кабине. За ней, гремя, катились ведра, воронки, гаечные ключи. Отбиваясь от них, она вскочила на ноги. Гостев уже стоял. Он уцепился за поперечную распорку и имел вид человека забравшегося под потолок.

– Сели! – крикнул он.

У Марины дрожали ноги. Ей казалось, что и самолет тоже вздрагивает. Из пилотской кабины выбирался Шолох. Дверца была наклонена и походила на узкую, почти горизонтальную щель. Он вылез и встал осторожно, словно пробуя ногами крепость пола.

– Самоубийство, а не посадка, – сказал он. На его одутловатое лицо медленно возвращалась краска.

У Марины кружилась голова. Вздрагивающими пальцами она расстегнула ремешки под подбородком и сдернула шлем. В голове у нее загудело, как будто ударили в колокол. Она даже вскрикнула.

– Здорово тебя, – сказал поворачиваясь к ней Шолох. – Коля, аптечку!

Гостев попытался открыть наружную дверь и в самолет ворвались ветер и снег.

– Пурга...

– Аптечку! – крикнул Шолох.

Марину начало трясти. Мелкая противная дрожь поднималась от ног и расходилась по всему телу. Она плотно сжимала зубы. Ей казалось, всем слышно, как они стучат.

– Терпи, терпи... – приговаривал Шолох, когда она вздрагивала особенно сильно.

Наконец он выпустил ее голову. Она потрогала пальцем. Вместо привычной мягкости волос – тугие, шершавые бинты.

– А ведь все было так хорошо...

Слезы подступили у нее к горлу. Она опустилась на пол самолета и закрыла лицо руками.

2

А на базе в это время маленький и вихрастый радист Сережа тщетно зывал в эфир.

– Буря! Буря! Буря! – повторял он. – Я Орел. Я Орел. Даю настройку. Раз, два, три, четыре, пять; пять, четыре, три, два, один. Буря. Буря. Я Орел. Я Орел. Прием.

Он щелкал переключателем и склонялся к рации, словно в таком положении мог скорее услышать не отвечающую ему «Бурю».

Рядом с ним облокотился на стол Федор Васильевич, начальник Экспедиции. Он уже свыше четырех часов сидит прижимая к уху трубку наушника. Потеря самолета и опасения за жизнь людей, среди которых была и сестра, пригнули его высокую фигуру.

– Буря. Буря. Я Орел. Я Орел...

И снова шорохи, попискивания, позывные чужих станций. «Буря» не отзывалась.

– Попробуем еще ключом, – сказал радист и тоже надел наушники. Застучала морзянка.

За тонкой перегородкой, в конторе, переговаривались люди. Хлопнула входная дверь, чей-то голос спросил:

– Саша, дай закурить.

– Покурили, хватит.

– Вот спасибо, еле выпросил, – громко сказал первый голос. Кто-то засмеялся, кто-то шикнул.

– Скажите, чтобы потише и попросите Орлянкина зайти, – не оборачиваясь сказал Федор Васильевич.

Сидевший за его спиной комендант вышел. Голоса за стеной смолкли, а на рацию вошел молодой парень в штатском. Он посмотрел на Федора Васильевича и тот, как будто его спрашивали вслух, ответил:

– Плохо, Саша. Плохо. Завтра, если утихнет, придется лететь искать. У тебя как?

– В любую минуту, Федор Васильевич.

– Ну, хорошо. Будь наготове.

Радист продолжал звать не отзывающуюся «Бурю».

3

Когда Марина проснулась, солнце заливало всю кабину. В самолете никого не было. Через раскрытую дверь виден был кусок неба и слышались голоса:

– Хотел бы я знать, – раздраженно насканивал голос Гостева, – какого черта мы забыли в этой дыре?

– Никто тебя не тянул, – возражал ему Шолох. – Сам ехал.

– Сам, сам... Ехали, золотые горы обещали, а теперь сиди, вот...

– Ты все равно, как с луны свалился, – сказал Шолох и полез в самолет. Он лез через люк пилотской кабины и Марина подумала, что дело плохо, если самолет лежит носом на земле.

– Я не знаю, откуда я свалился. Я не знаю даже, куда я свалился, – продолжал кричать за его спиной голос Гостева. Не отвечая ему, Шолох протиснулся в фюзеляж.

– А, проснулась, – сказал он. – Как чувствуешь себя?

– Не вылетим? – вместо ответа спросила Марина. По его лицу она старалась угадать истинное положение вещей.

– Как тебе сказать... – Он не смотрел ей в глаза. – По такому снегу не подняться, да и...

Она откинулась обратно на чехлы.

– Ты что, Марина?

– Так, голова что-то опять кружится.

Ее знобило. Она натягивала чехлы до самого подбородка, но они промерзли и не гнулись. От них веяло холодом. Даже серебристая обшивка самолета и та, казалось, излучает холод.

Влез Гостев и достал бортпаек.

– Жаль, спирт весь уже выпили, – сказал он срывая пломбу. У него был совсем другой голос, чем когда он говорил снаружи. – Ну, ничего, вот только выберемся отсюда...

Он так и замер, не досказав, что будет, когда они отсюда выберутся. Издалека донесся знакомый гул мотора.

Шолох вскочил. Он пробежал по наклонному полу самолета и одним рывком выбросил свое сильное тело через дверцу. Следом за ним, так же стремительно, выскочил и Гостев.

Гул нарастал.

Марина приподнялась и смотрела в окошко. Их самолет лежал зарывшись носом и наклонясь на правый бок. Левое крыло его торчало кверху, как рука утопающего, а Шолох и Гостев барахтались рядом в снегу и, махая шлемами, кричали:

– Э-эй... Э-эй...

Но самолет ровно, не меняя курса, прошел стороной и они сразу поникли.

– Орлянкин пролетал, – сказал Шолох, когда они вернулись. – Нас ищет.

– Не увидел он нас? – с робкой надеждой спросила Марина.

– Не увидел, – сказал Гостев. – Да разве увидишь. Окраска-то серебряная. – И вдруг засмеялся. – А мы-то ему кричали, а?..

4

Орлянкин предполагал, что Шолох, потеряв ориентировку, выйдет к реке и по ней будет искать Медвежий Угол, но за рекой начинались большие превышения и Шолох, боясь проскочить реку в сильном снегопаде, предпочел взять курс прямо на базу. Поэтому, обшарив всю прибрежную полосу, Орлянкин так и не нашел их в первый день поисков, но во второй день, начав облет по трассе полетов, он, безошибочным взглядом штурмовика, привыкшего распознавать замаскированные самолеты и танки противника, сразу разглядел распластанную на снегу серебряную птицу Шолоха.

Он спикировал и помчался почти прижимаясь к бликующему снегу. Солнце насквозь просвечивало долину. Он увидел, как из самолета вывалились два человечка и увязая по пояс отчаянно замахали ему. Он накрыл их своей шумной тенью, развернулся на крутом вираже и снова с ревом промчался над ними. Он кидал самолет кверху и книзу, махал ответно рукой и даже сделал две «бочки». По случаю такой радости он был уверен, что Федор Васильевич не вкатит ему очередного нагоняя за «фокусы». И действительно, когда он заглянул в переговорное окошко, то увидел, что лицо Федора Васильевича снова помолодело.

"Штурмовик"

Потом они выкинули им пакет и кружились, наблюдая, как одна фигурка барахталась в снегу, пытаясь дотянуться до него, а вторая, подняв обе руки кверху, потрясала ими в приветственном жесте. И Сашка Орлянкин целый бы день кружил над ними, если бы в переговорную трубку не услышал отрезвляющий голос Федора Васильевича:

– Давайте к Битюгову.

5

Снегу навалило...

Дмитрий Битюгов очищал проходы от жилья к буровой, когда из-за лесного горизонта вынырнул маленький связной самолет экспедиции. Битюгов разогнул взмокшую спину и, приставив к глазам козырьком ладонь, наблюдал, как он кружил над поляной. Рабочие, тоже побросав лопаты, смотрели в небо. В плавных заходах самолета чувствовалось, что пилот не впервые летает здесь, но на этот раз он как будто к чему-то примеривался. И вот полоснула по воздуху красная лента вымпела и, разрезав яркую синеву неба, воткнулась в снег.

– Хорош глазомер у Орлянкина, – подумал Битюгов, освобождая привязанную к грузилу записку. Он пробежал ее глазами и задумался.

Он проработал в тайге одиннадцать лет. Два прииска, шахту, рудник и негромкую славу первооткрывателя оставил он на местах своих исследований, когда близ заимки Медвежий Угол он обнаружил крупное месторождение магнитного железняка. Два года он разведывал этот участок и с каждым годом перспектива месторождения расширялась. Он сообщил в Управление и весной, в ответ на его письмо, приплыли в Медвежий Угол двое. Одного он знал. Невысокого роста, уже склонный к полноте, с волосатыми руками и грудью, начальник буровых работ Иосиф Абрамович Померанец не один раз ставил вышки на местах его открытий. Второго он видел впервые. Высокий рыжеватый блондин с очень белой кожей и серыми с зеленой глазами, он назвался Федором Васильевичем Васильевым, начальником Комплексной изыскательной экспедиции и показал ему приказ Управления, по которому и он, и Померанец, включались в эту экспедицию до полного выявления объема и запасов найденных здесь железных руд.

Кроме того, значилось далее в приказе, в целях быстрее продвижения работ, экспедиции придавалась аэромагнитная группа, оснащенная новейшими приборами по магнитной разведке. Он не знал этих приборов и появление их воспринял как недоверие к его работе. Но самым абсурдным показалось ему летать с ними на самолетах. Он обжился в тайге, как медведь, который изредка выходит из чащи, чтобы взглянув, что делается за кромкой леса, уйти обратно; оброс мускулатурой и бородой, взгляд его стал зорок, слух чуток. Всем обликом своим он являл теперь настоящего лесного жителя. И он знал тайгу.

Тайга

Она покрывала землю – сплошь. Только вода и камень были свободны от нее. Старатель уходил в тайгу и о нем боялись думать. Его было не дозваться, не найти. Проходил срок и он выходил из чащи также внезапно, как и поглощался ею. Бывало, что он и не возвращался. Тайга стояла темная и глухая. Самые сильные ветры могли выворотить ее с корнем, но не нарушить ее молчания. Никто не мог сказать, почему она не отпустила от себя человека.

И вот он стоит и держит в руках записку, в которой говорится, что в 40—50 километрах (карта прилагалась) потерпел аварию самолет и ему предлагается немедленно выйти к потерпевшим для оказания первой помощи.

Марина чувствовала себя недостаточно хорошо, чтобы последовать за Шолохом и Гостевым, и, как и вчера, наблюдала за прилетом Орлянкина через окошко. На мгновение она увидела даже брата. Он сидел на втором месте и махал рукой.

Когда они улетели, она снова откинулась на чехлы, слыша, как за стеной Гостев пытается добраться до пакета, поминая и бога, и черта, и проклятый снег, который не может выдержать даже порядочного человека.

Шолох влез за лопатами.

– Теперь они до нас доберутся, – сказал он. На его лице опять светились улыбка.

К вечеру прокопали проход и достали пакет. В нем были хлеб, консервы и фляга со спиртом.

Гостев сразу потянулся за ней.

– Что-то в горле сухо.

– Это не вода, – засмеялась Марина.

– Разве? – Он опрокинул стаканчик и крикнул. – Кха, в самом деле, спирт.

Дали выпить и Марине. Она закашлялась. На глазах выступили слезы. Она и смеялась и плакала.

– Я знал, что они найдут нас, – говорил Шолох. – Сашка пилот классный. У него только высота не в почете. Недаром все зубы выбиты.

Марина почувствовала себя значительно лучше. Она много смеялась и потом сразу заснула. А ночью у нее начался жар. Ей казалось, что кто-то ходит вокруг самолета и стучит, пытаясь войти внутрь.

– Кто? Кто пришел? – в один голос допытывались Шолох и Гостев.

Марина приходила в себя. До ее сознания медленно доходил вопрос. Она устало откидывалась назад, закрывала глаза и шептала:

– Он.

– Бредит, – говорил Гостев.

В самолете было темно и тихо. Шолох и Гостев сидели прислушиваясь к ее прерывистому дыханию.

– Пока придут, как бы чего не случилось с дивчиной, – глухо и тревожно в темноте сказал Шолох.

Перед рассветом Марина проснулась еще раз. Шолох и Гостев спали. Ей снова показалось, что кто-то ходит вокруг и ищет дверцу. Боясь разбудить их, она поднялась. Ноги не слушались ее. Подниматься по наклонному полу самолета было также тяжело, как идти в гору. Она задела Шолоха.

– Ты что? – спросил он и сразу поднялся.

– Там кто-то ходит.

– Нет никого, тебе кажется. Спи.

– Нет, там кто-то ходит. Ты послушай.

Гостев тоже поднял голову. Они все трое прислушались.

– В самом деле, там, кажется, кто-то есть, – сказал Гостев.

– Зверь какой-нибудь, – уже не так уверенно возразил Шолох. – До базы не меньше двухсот километров. Они не могут так скоро.

Все же он подошел к дверце и распахнул ее. Луна заливала снег спокойным синим светом. Долина, окаймленная черным лесом и поблескивающими скалами, была сказочно красива.

– А хорошо все-таки, – вздохнул он. – Умирать не надо...

И в это время послышался крик. Он высунулся и увидел, как через небольшой бугор, закрывавший от них выход из долины, спускается огромная человеческая фигура, в малице, озаренной, как сиянием, светом луны.

И, быть может, в первый раз за все время у него задрожали ноги. Он прислонился к двери и прошептал:

– Люди.

Глава вторая

1

Аркадий Горин приехал в Медвежий Угол ночью. Прошумевшая пурга замела дорогу. Сугробы громоздились, как горы и ему с попутчиком авиатехником то и дело приходилось соскакивать в снег и вытаскивать застревавшие сани.

В темной конторе, которую они с трудом отыскали, никого не было. Лишь в боковой комнатке сидел старик в грязном свитере, похожий на сторожа.

Он подкладывал в огонь чурки и пламя озаряло его худую согнутую фигуру.

Печка-буржуйка

– Здесь экспедиция? – спросил Аркадий.

– Здесь, однако, – сказал старик, поворачивая к ним темное морщинистое лицо. – А вы откуда будете?

– Из тех ворот, откуда весь народ, – ухмыльнулся спутник Аркадия. – Ты скажи, папаша, где нам определяться?

– А здесь и определяйтесь пока, – старик махнул рукой. – Вот начальство приедет, тогда...

– Порядок правильный... – присвистнул авиатехник и направился к лавке. По полу протянулся за ним мокрый неровный след.

– А могу я увидеть начальника экспедиции? – спросил Аркадий.

– Нет его, – повторил старик и пошевелил кочергой в печурке. – Да и что вам беспокоиться, однако. Найдете завтра завхоза, станете на довольствие...

– Мне нужен начальник экспедиции, – настойчиво сказал Аркадий.

– Нет его, – повторил старик. – У нас тут самолет разбился, они и выехали. А вы что, знакомый ему или кто?

– Знакомый, – сказал Аркадий.

Он рассеянно разглядывал комнату. Темные бревенчатые стены, топчан, покрытый медвежьей шкурой. Авиатехник возится на скамейке, пытаясь одновременно и накрыться шинелью и подстелить ее под себя. На столе, рядом с керосиновой коптилкой, хлебные крошки и большой охотничий нож.

– Нет его, – в третий раз повторил старик и, как будто спохватившись, добавил, – Да вы садитесь, однако. В ногах правды нету.

Аркадий придвинул к огню чемодан. Тело ныло. Ноги были мокрые. Он особенно чувствовал это, когда шевелил пальцами внутри ботинок.

– «Я погреюсь немного и пойду», – подумал он. Но встать не хотелось. Он не знал, как встретит его Васильев. Они действительно были знакомы по научно-исследовательскому институту, где Аркадий разрабатывал проблемы наземной магнитометрии, а Васильев – воздушной. Их называли «принципиальными противниками». Но Васильев был старше и уже

имел ученую степень кандидата и Аркадий ни за что не приехал бы в его экспедицию, если бы не Марина. С ней, при ее отъезде, тоже получилось не совсем хорошо, но, возможно, это даже к лучшему, что Васильева нет. Можно будет сразу поговорить с ней. Он скажет, что их размолвка была просто ошибкой, что она просто не так поняла его. Он вовсе не отказывался ехать. Он хотел только закончить аспирантуру. Ну, разумеется, он так и скажет и не останется никаких недоразумений.

Ему представилось, как обрадуется увидев его Марина и он улыбнулся. Он только чуть-чуть еще погрееется и пойдет.

И он хотел уже спросить, где живет Федор Васильевич, когда стукнула дверь и на пороге появилась запорошенная снегом фигура.

– Калганыч, – сказала фигура. – Начальник баньку просит сготовить.

– Что же, он здесь? – удивился Аркадий.

– Приехал, стало быть, – невозмутимо сказал Калганыч, поднимаясь и натягивая полушубок. – Идемте, я вам покажу.

2

Васильев встретил его удивленным возгласом:

– Ба! Принципиальный противник! Какими ветрами?

– Добрыми, добрыми, – поспешил сказать Аркадий. – Осенью защищаю диссертацию. Приехал собрать кой-какие материалы и поработать.

– Ну, ну. Проходите, знакомьтесь.

За столом, накрытым голубой скатертью, возле поблескивающего коричневым лаком радиоприемника, сидели двое. Еще раздеваясь, в передней Аркадий увидел их меховые куртки. Две двери вели в боковые комнаты. Как он догадывался, это были комнаты Васильева и Марины. То, что ее не оказалось в большой комнате было Аркадию неприятно. Впрочем, ничего удивительного. Время позднее и она, наверное, уже спит.

Он подошел к столу.

Плотный коренастый человек с немного одутловатым лицом приподнялся и протянул руку.

– Шолох, – просто сказал он.

– Штурман Гостев, – отрекомендовался другой, худощавый.

– Очень приятно, – сказал Аркадий. – Горин, инженер-геофизик.

Федор Васильевич разжигал спиртовку.

– Сейчас согреемся. Мы, видите ли, сами только что приехали. Рассказывайте пока, что у вас там на Большой земле.

После темноты улицы и коптилки Калганыча десятилиннейная лампа казалась солнцем. Аркадий сидел вытянув под столом ноги. Холод выходил из него мурашками и он, впитывая тепло, как наслаждение, говорил:

– О чем же вам в первую очередь... Международные события вам, наверное, самим известны по радио и из газет, а из таких, так сказать, будничных... В институте расширили лабораторию радиолокационных исследований. Вы знаете, это просто замечательная мысль – определять породу путем разности отправленной и отраженной от нее волны. Я сам разрабатывал некоторые положения и диссертацию пишу тоже на эту тему...

Начав медленно, он постепенно повышал голос и теперь говорил уже нарочито громко, надеясь, что Марина услышит его и проснется. Но за дверьми было тихо. Гостев крутил рычажки, ловя далекую станцию. Федор Васильевич доставал из шкафчика рюмки.

– Это все очень интересно, – сказал он, – но у нас в основном магнитная разведка. Вы ведь знаете это?

– Знаю, – сказал Аркадий. – Тем интересней будет сравнить результаты двух методов.

– Вы очень, очень кстати приехали, – сказал Васильев и Аркадий вдруг увидел, что он думает о чем-то своем. – Давайте. За Ваш приезд!

В комнату ворвались звуки далекой музыки.

– Поймал, все-таки, – сказал Гостев и потянулся за рюмкой. – Будем здоровы.

Они все устали и были голодны и на короткое время в комнате воцарилось молчание. Только музыка звучала совсем по домашнему и Аркадию казалось, нет позади длинной и трудной дороги. Просто он заглянул сюда, как обычно к Марине. Она сейчас выйдет и будет совсем хорошо.

Хмелея от сытости, тепла и вина, Аркадий смотрел на Васильева и все больше удивлялся их сходству. Такая же, как у нее, мягкая белая кожа, такие же серые с зеленцой глаза. Только волосы у него светлее, совсем золотистые. «Золотой золотоискатель» – засмеялся он на невольное пришедшее сравнение и спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.